

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод с китайского и вступление Л. Эйлина

Китайская классическая поэзия развивалась на протяжении многих веков. Мэн Хао-жань (689—740) жил через триста лет после Тао Юань-мина (365—427), целое столетие отделяет Бо Цзюй-и (772—846) от Мэн Хао-жаня. С именем Тао Юань-мина связаны огромные новшества в содержании и форме китайской поэзии, сближение ее с повседневной жизнью. Поэт ушел с обязательной для человека его происхождения чиновничьей службы, резко порвал с кругом придворных карьеристов и стал проповедовать преимущества крестьянской жизни на земле. Этот уход от «жизненной суеты», воспевание природы, радостей труда и общения с друзьями, мыслящими так же, как и сам поэт, были своеобразной формой политического протеста, которая только и возможна была в то время для человека, подобного Тао Юань-мину. Во всяком случае, именно как протест воспринималась поэзия Тао Юань-мина уже его современниками.

Мэн Хао-жань и Бо Цзюй-и жили в пору расцвета китайской поэзии в феодальном танском государстве. Танские поэты испытали влияние Тао Юань-мина и сознательно подражали ему и в творчестве и в жизни. Мэн Хао-жань демонстративно не служил, а сановника Бо Цзюй-и тяготила его чиновничья карьера, доставлявшая ему немало огорчений и даже страданий: за справедливость суждений, за резкое слово поэта не раз высылали на окраины громадной страны.

Лишь один из представленных здесь трех поэтов, Бо Цзюй-и (он жил позднее всех и уже больше знал), возвысил свой голос против угнетения народа феодальной верхушкой, прямо, без обиняков сказал об этом в своих стихах и поплатился за это. Но и то множество стихов Бо Цзюй-и, в которых он, как Мэн Хао-жань или как общий их учитель Тао Юань-мин, наслаждается покоем на лоне природы, тоскует по другу, рад встрече с другом, размышляет о поэзии, — все эти стихи, подобно стихам Тао Юань-мина, надо понимать как протест против феодального общества, против паразитической жизни той правящей группы, к которой по рождению принадлежали упомянутые поэты.

И тогда перед нами раскроется вся глубина прекрасной лирики тех далеких времен, наполненность ее гражданской скорбью, общественная ее значительность.

← «БЕРЕГ РЕКИ». Вырезка из бумаги.

Тао Юань-мин

ИЗ СТИХОВ
„ЗА ВИНОМ“

поставил свой дом
В самой гуще людских жилищ,
Но минует его
Шум телеги и стук копыт.
Каждый спросит у вас:
Как же может такое быть?
Вдаль умчишься душой —
И земля отойдет сама.
Хризантему сорву
У восточной стены в саду,
И порадую взор:
Южных гор предо мной гряда.
Как дыханье горы
Благодатно на склоне дня,
Когда птицы над ней
Чередую летят домой!
В этом, самом простом,
Я нашел настоящий смысл.
И хочу рассказать —
И уже я забыл слова.

ИЗ СТИХОВ
„В ПОДРАЖАНИЕ
ДРЕВНЕМУ“

алеко на востоке
Живет неизвестный ученый,
И одет он всегда
В неприглядное бедное платье,
И из дней тридцати
Только девять он сытым бывает,
И лет десять, не меньше,
Он носит бессменную шапку.
Горше этой нужды
И не встретишь, наверно, на свете,
А ему хоть бы что —
Всем доволен ученый и весел.
Как же мне не хотеть
Повидать человека такого!
И пошел я с утра
Через реки и через заставы.
Вижу, темные сосны,
Сжимая дорогу, теснятся.
Вижу, белые тучи
Над самою кровлей ночуют.

А ученому ясно,
 Зачем я его навещаю.
 Сразу лютню берет,
 Для меня вдохновенно играет.
 Тронул верхние струны —
 С подругой прощается аист.
 Тронул нижние струны —
 Луань¹ там поет одинокий...
 Я хотел бы остаться
 Пожить в вашем доме, мне милом,
 Прямо с этого дня
 И пока нас зима не застигнет.

Мэн Хао-жань

**НОЧУЮ НА РЕКЕ
 ТУНЛУЦЗЯН.
 ПОСЫЛАЮ
 СТАРОМУ ДРУГУ.**

сумраке гор
 Где-то слышится плач обезьян.
 Волны реки
 Мчатся мимо в ночной темноте.
 Ветер поет
 Среди листьев на двух берегах.
 Светит луна
 Над одним сиротливым челном.
 Место Цзяньдэ —
 Не родная моя сторона.
 Здесь я Вэйян
 Вспоминаю, где друг мой живет.
 Вот соберу
 Два потока мной пролитых слез,
 Их отошлю
 Вдаль на западный берег морской.

Бо Цзюй-и

**НОЧЬЮ В ДОМЕ
 НАД РЕКОЙ
 ЧИТАЮ СТИХИ
 ЮАНЯ ДЕВЯТОГО²**

рошедшею ночью
 В том доме над самой рекою
 Я пел до рассвета,
 Так было стихов твоих много.
 Слова разлетались
 Под красной резною решеткой,

И падали рифмы
Пред быстро бегущей рекою.
И чисты и четки
В гармонию звуки сливались,
Возвышенно-тонки
Вошли в совершенное мысли.
Ты взял в свои песни
Сияние белого снега,
Для них захватил ты
Лазурного облака прелесть.
В них каждый отрезок —
Литая из золота строчка,
Узоры двойные —
Нефритом скрепленные пары.
Ветров сразу восемь
Возникло в холодной пустыне,
В пять радужных красок
Зажженный пожар полыхает.
Петлей ледяною
Свиваясь, звук стынет за звуком,
Жемчужною низью
Круглятся за знаками знаки.
В поэмах созвучья
Сплетаются, вышивки тоньше,
Их кости и мышцы
Нежнее и мягче, чем хлопок.
Бурлят и клокочут,
Вздымаясь кипящей волною,
Поют, разливаясь,
Звучней, чем свирели и струны.
Медовый источник
Забил, из земли вырываясь,
Напев величавый
Нисходит с высокого неба.
И духи и бесы,
Внимая, как будто рыдают,
И рыбы-драконы,
Услыша, застыли в молитве.
В кругу своем звезды
Смятенно сбиваются в толпы,
Луна, опускаясь,
На время осталась послушать.
Растрогались гуси —
Они тишины не нарушат,
Грустят обезьяны —
И те погрузились в молчанье.

И льются ручьями
 У ссыльного странника слезы,
 Свой путь прерывает
 Торговца проезжего лодка...
 О песнях украдкой
 Певицы тебя умоляют,
 Мы внемлем неслышно
 Тоскующих жен перепевам.
 Косыми рядами
 Стих пишут на стенах белёных,
 Короткие строфы
 На красной бумаге выводят.
 Вкус мяса забудешь
 В часы наслажденья-стихами,
 Болезни проходят,
 Как только за песни возьмешься.
 Чжан Цзи³ их узнает —
 И падает ниц от восторга,
 Ли Шэнь⁴ их услышит —
 И просто рыдает от счастья.
 Путь-дао⁵ извилист,
 Но гений на нем лишь воспрянет,
 В свободе от службы
 Поэзия станет призваньем.
 Велением неба
 Твой голос величия полон,
 По правилам жизни
 Влачишь свои дни в неудачах.
 Я вижу, как слабы
 Стихи, что написаны мною,
 Я знаю всю силу
 Души и талантов другого.
 В старанье, в работе
 Хоть мы и добились того же,
 Но тонкость и грубость
 Все с разных сторон повисают.
 Мы каждый имеем
 По тысяче созданных песен,
 Зброшены оба
 На берег далекого моря.
 И пряди седые
 От песен все больше белеют,
 И взглядом любовным
 Мы оба сквозь даль проникаем.
 Нам письма поэтам
 Мешают трапезовать утром,

И в поисках слова
Мы глаз по ночам не смыкаем.
На старости платим
Долгов поэтических бремя,
Навечно связали
Мы судьбы свои с письменами.
Мы часто вздыхаем
О Чэне⁶ — философе мудром,
Всегда мы тоскуем
О Ли⁷ — небожителе павшем.
Их громкая слава
Лишила успехов житейских,
И горечь раздумий
Небесный им век сократила.
Им не было счастья
В их пору найти пониманье,
Что им после смерти
Любовь или жалость потомков!
Скорбим друг о друге
Сегодня и мы точно так же.
В Пэньпу я в изгнанье,
Ты в ссылке своей в Тунчуани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Луань — мифическая птица редкой красоты.
2. Юань Девятый — поэт Юань Чжэнь (779—831) — друг и единомышленник Бо Цзюй-и.
3. Чжан Цзи — поэт. Род. в 765 г., умер в 830 г.
4. Ли Шэнь — поэт. Умер в 846 г.
5. Дао — путь, в данном случае закон изменения и развития всех вещей, закон жизни.
6. Чэнь — поэт Чэнь Цзы-ан (656—698).
7. Ли — поэт Ли Бо (701—762). Столь гениальными, необычными были стихи этого великого поэта, что старший современник Ли Бо — поэт Хэ Чжи-чжан — назвал его небожителем, сошедшим к людям.

